

ОТВѢТЪ Г. „ПРАВОСЛАВНОМУ“.

Нѣкто, скрывшійся подъ псевдонимомъ „православный“ въ Моск. Вѣд. № 83 обрушился на мою статью „Духъ и плоть“ и собственно на третій параграфъ этой статьи, гдѣ рѣчь идетъ о свободѣ плоти.

Въ томъ видѣ, въ какомъ г. „православный“ приводитъ выдержки изъ моей статьи, и въ томъ освѣщеніи, въ какомъ онъ ихъ представляетъ, получается нѣчто ужасное... Выходитъ, что я требую свободы плоти со всѣми ея мерзостями. Откровенно говорю—если бы я это написалъ, я былъ бы достоинъ полного порицанія. Но въ дѣйствительности этого не было.

Рецензія г. „православнаго“ представляетъ изъ себя рядъ взятыхъ безъ всякой связи отрывковъ изъ моей статьи. Такимъ путемъ можно Катихизисъ Филарета и Догматику Макарія завинить въ еретичествѣ. Или примѣръ изъ позднѣйшаго времени. У извѣстнаго поборника *православія* еп. Никона встрѣчается выраженіе: „монахи-свиньи“, да еще слова эти влагаются въ уста Богоматери. Какоіи шумъ по поводу такихъ выраженій могъ бы надѣлать г. *православный*... Развѣ не ясно, что необходимо брать общій смыслъ сочиненія и контекстуальную связь выдержекъ.

Я писалъ о свободѣ плоти—съ такими ограниченіями: „Свободу плотской, или языческой жизни я никакъ не отождествляю съ безнравственностью, распущенностью. Плотская жизнь во всей полнотѣ своего развитія, имѣетъ въ себѣ этическія основы. Язычники, по словамъ апостола, не имѣя закона, по природѣ законное дѣлаютъ, они сами себѣ законъ, дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ“. Это я

пишу въ самомъ началѣ даннаго параграфа (стр. 148 отд. от. Истина и символы). Мой рецензентъ выписываетъ строки непосредственно предшествующія этимъ словамъ и непосредственно слѣдующія за ними, а эти слова, существенно важныя для пониманія моей рѣчи, онъ опускаетъ. Я говорю о природѣ въ предѣлахъ нравственнаго закона, о плоти въ предѣлахъ этическихъ. Вотъ объ этомъ-то рецензентъ Моск. Вѣд. и умалчиваетъ,—подъ названіе плоти онъ подсовываетъ плотскія мерзости, о которыхъ у меня нѣтъ рѣчи. Сдѣланное въ началѣ параграфа условіе я настойчиво провожу во всей статьѣ. На стр. 161 я пишу: „Будемъ разсматривать плоть по существу, т.-е. будемъ имѣть лучшее во плоти, нормальное... Посмотримъ на нормальную, благоустроенную семью“. Развѣ не ясно, что я говорю о цѣломудренной плоти? А вотъ заключительныя слова моей статьи (стр. 204): „Предъ идею абсолютнаго неба земля есть только царство *цѣломудренной* природы, предъ бездною неба человѣческое— есть только *нравственно-человѣческое*“. Ужели вопреки этой ясной рѣчи меня можно обличать въ проповѣди разврата, ужели можно называть эту рѣчь декадентщиной? Послѣдній выводъ моей статьи „Религія и нравственность“ таковъ: „Совершенная безнравственность какъ религія есть совершенная нелѣпость. Безъ этической культуры нѣтъ истинной религіи“ (стр. 118 и 123). Послѣдній выводъ статьи „Духъ и плоть“, служащей продолженіемъ первой, таковъ: „Христіанство не можетъ сдѣлать ни малѣйшей уступки въ сторону эстетической религіи, въ сторону эстетизма. Ницшеанство въ философіи и декадентство, или эстетизмъ, въ искусствѣ — діаметрально противоположны христіанству“ (стр. 199).

Чего же еще отъ меня требуютъ? Какъ же можно мою статью назвать декадентщиной, когда она рѣшительно направлена противъ эстетизма и декадентства?

Судите, читатель, сами!

Но вѣдь я говорю о свободѣ радостей брачныхъ, о свободѣ естественныхъ страстей?! Несомнѣнно. Мой рецензентъ думаетъ, что всѣ страсти отъ сатаны и что, говоря о *естественныхъ* страстяхъ, я становлюсь „прямо вразрѣзъ со всѣмъ ученіемъ отеческимъ“. Это свидѣтельствуетъ о *полномъ и рѣшительномъ невѣжествѣ* г. рецензента Моск. Вѣд. Святые

отцы не только учать о томъ, что естественная страсть (о которой я говорю) и грѣховная страсть, или похоть, двѣ вещи различныя, что есть безпорочныя естественныя страсти, но что таковыя даже были восприняты Христомъ. „Исповѣдуемъ, пишетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, что Христосъ воспринялъ всѣ естественныя и безпорочныя страсти человѣка“ (*та φύσις και ἀβίαβλητα παθη* De f. orth. lib. III, 20). И я вмѣстѣ съ св. отцомъ исповѣдую естественныя безпорочныя страсти, хотя бы это не нравилось мнительному и невѣжественному рецензенту Моск. Вѣд.

Что въ частности радости брачныя—въ нормальной благоустроенной семьѣ—не отъ сатаны, какъ думаетъ рецензентъ, а отъ Бога, не скверны, а непорочны, этому ясно учить слово Божіе, учать и св. отцы. По словамъ апостола, *бракъ честенъ и ложе непорочно* (Евр. XIII, 4). Людей, воздерживающихся или учащихъ воздерживаться отъ брака, какъ отъ скверны, апостоль называетъ сожженными въ своей совѣсти (1 Тим. IV, 2). Тоже постановили и церковныя каноны. „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака и мяса и вина, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гнушенія, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, созидавая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ хуля клевететь на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина, и отверженъ отъ церкви. Такжеже и мірянинъ“ (Ап. 51 и другія).

Несомнѣнно я и мой рецензентъ смотримъ на бракъ противоположно и одинъ изъ насъ достоинъ анаемы, но кто?!

Но вѣдь удареніе не на словахъ естественныя страсти, а на словѣ *свобода*,—я говорю о свободѣ естественныхъ страстей, о свободѣ плоти, о свободѣ мірской жизни, даже о полной свободѣ. Это и возмущаетъ моего рецензента.

Объяснюсь.

Свобода плоти можетъ быть или нравственная свобода, т.-е. свобода ея отъ нравственнаго закона, разгуль, распущенность, или свобода религіозная. Очевидно, что я говорю не о первой, такъ какъ я разумѣю цѣломудренную плоть и нравственную мірскую жизнь. Я различаю нравственность мірскую, земную, утилитарную, и нравственность духовную,

христіанскую. Первую я не высоко ставлю, но не называю ее вмѣстѣ съ бл. Августиномъ прикрытымъ порокомъ. Это есть подлинная нравственность. Она утверждается на природѣ. „Язычники по природѣ законное дѣлаютъ“. На какихъ же *природныхъ* свойствахъ утверждается *утилитарная* мораль—на инстинктѣ самосохраненія, или на социальномъ инстинктѣ—семейномъ, общественномъ? Я говорю послѣднее,—и это такъ просто и невинно, что странно въ этомъ оправдываться. Отъ *утилитарной* морали я отличаю высокую христіанскую нравственность. „Христіанство—абсолютная духовная жизнь, вѣра и дѣятельность. Оно прежде всего вноситъ абсолютность въ нравственную жизнь, даетъ абсолютное выраженіе нравственной заповѣди, дѣлаетъ изъ заповѣди благо“ (стр. 98).

Итакъ, я рѣшительно противъ нравственной свободы плоти,—я говорю только о *религіозной* свободѣ плоти. Параграфъ, столь смутившій моего рецензента, заканчивается у меня такой формулой: „въ интересахъ евангелія нужно желать *религіозной* свободы для плоти“ (стр. 153).

Что же это такое религіозная свобода плоти? Я понимаю евангельскія правила жизни весьма высоко, и потому думаю, что по евангелію могутъ жить только избранные люди, что евангеліе—для избранныхъ личностей, а не для опредѣленія формъ мірской жизни. „Христіанство не въ плоти, не въ ея границахъ, не въ ея формахъ. Христіанство въ томъ и только въ томъ, что надъ плотью, только въ духовной абсолютной любви, только въ абсолютномъ устремленіи духа къ божественному совершенству“ (стр. 155). Религіозная свобода плоти это значитъ свобода формъ мірской жизни отъ абсолютныхъ требованій христіанской религіи. „Евангельская жизнь не имѣетъ непосредственной связи съ формами плотской жизни,—евангелію нѣтъ дѣла до содержанія мірской жизни, для него дороги лишь души человѣческія“ (стр. 150 и 152). Отдѣльный человѣкъ можетъ жить по евангелію, но устроить формы мірской жизни по евангелію нельзя. Можетъ быть христіанинъ-мужъ, христіанинъ-князь, но вопросы о томъ, какъ устроить судъ съ присяжными засѣдателями, земское управленіе, городскую думу, какъ вести войну, благоустроить государство—для всѣхъ этихъ вопросовъ въ евангеліи отвѣта мы не найдемъ. Ужели же въ

этомъ мнѣніи—ересь? Я рѣшаю вопросъ по существу не церковный, не догматическій, а чисто научный и практический. Практическое значеніе вопроса вотъ въ чемъ: чего нужно желать, того ли, чтобы священники засѣдали на мірскихъ сходкахъ, а епископы участвовали въ государственномъ совѣтѣ, или того, чтобы они воспитывали души христіанскія? отъ чего намъ ждать христіанскаго спасенія—отъ личнаго усовершенствованія или отъ хорошихъ законовъ? Я отвѣчаю, что христіанство ограничивается душою, а мірскія дѣла лучше всего предоставить мірянамъ. Для общественнаго устройства нужны хорошіе законы, а для войны хорошія пушки. Строго говоря, это такъ просто, что объ этомъ не стоило бы говорить, если бы не было фанатиковъ, которые на всякую общественную нужду отвѣчаютъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ о распинаніи плоти со страстями и похотями. Хорошія слова полезны, когда они кстати.

До крайности возмущился рецензентъ Моск. Вѣд. моими словами, что евангеліе нельзя проповѣдывать дѣтямъ. Онъ торжественно указываетъ на преподобныхъ Сергія и Серафима, отъ юности Христа возлюбившихъ, отъ непорочнаго младенчества за Нимъ духомъ послѣдовавшихъ.

На это отвѣчу слѣдующіе. Безмужное зачатіе Христа не отмѣняетъ общаго закона человѣческаго рожденія. Такъ равнымъ образомъ и то обстоятельство, что нѣкоторые люди Духомъ Святымъ уготовляются въ сосудъ Божій отъ чрева матернаго, не отмѣняетъ общаго закона распространенія евангелія. Одинъ святой дитятей не бралъ материнской груди,—ужели отсюда вывести правило—запретить питать дѣтей материнскимъ молокомъ? Не въ томъ дѣло, что выходитъ изъ дѣтей, а въ томъ, что можно сдѣлать изъ дѣтей. Вотъ настоящій вопросъ: если того или этого ребенка съ дѣтства воспитать въ монашествѣ, то можно ли заранѣе ручаться, что изъ него непременно выйдетъ истинный христіанинъ? Такой опытъ былъ однажды продѣланъ на виду у всего міра: Юліанъ былъ предоставленъ съ дѣтства исключительно монахамъ и изъ него вышелъ отъявленный гонитель христіанства. Самъ Христосъ благословилъ дѣтей, но не училъ ихъ. Взрослымъ нужно учиться быть дѣтьми, а дѣти—ихъ царство небесное.

Мой рецензентъ, выписавъ мои слова: „свобода духа не-

обходимую точку опоры можетъ имѣть только въ свободѣ плоти“, дѣлаетъ отъ себя выводъ: „слѣдовательно, свобода духа въ свободѣ плоти“. Вотъ образчикъ совершенно нелѣпой логики. „Православный“ опирается на землю, слѣдовательно онъ—земля...

Далѣе, онъ выписываетъ мои слова: я въ томъ то соглашаюсь съ Мережковскимъ,—умалчивая о слѣдующихъ: но въ томъ то не соглашаюсь (стр. 157). Такимъ образомъ мою критику новопутейскаго ученія рецензентъ Моск. Вѣд. представляетъ какъ мое послѣдованіе ему. Это приемы нечестные. Я соглашаюсь съ Мережковскимъ (только) въ словахъ: „кто никогда не былъ язычникомъ, тотъ никогда не будетъ христианиномъ“, т.-е. не сильный въ порокъ не силенъ и въ добродѣтели. А вотъ что пишетъ Григорій Богословъ: „души слабыя въ отношеніи и къ добродѣтели и къ пороку равно медлительны и неподвижны; онѣ не склоняются много ни на ту, ни на другую сторону; у нихъ такія же движенія, какъ у людей страждущихъ оцѣпенѣніемъ“ (ч. III, стр. 112). Т.-е. это—уродцы. Припомнимъ слова апокалипсиса: „о, если бы ты былъ горячъ или холоденъ“...

Я соглашаюсь съ этими словами Мережковскаго и употребляю его выраженіе „плоть“ вмѣсто „мірская жизнь“, потому, что я съ нимъ полемизирую. Самыя элементарныя правила полемики требуютъ говорить на одномъ языкѣ съ противникомъ и отмѣчать предѣлъ, съ котораго начинается несогласіе съ нимъ.

Понадергавъ нѣсколько безсвязныхъ выдержекъ изъ моей статьи, рецензентъ продолжаетъ: „строки эти напечатаны въ журналѣ издаваемомъ одною духовною Академіею, пропущены въ печати епископомъ православной церкви—ректоромъ одной Академіи, а принадлежатъ профессору нравственнаго богословія, доктору богословскихъ наукъ и, въ добавокъ, какъ мы слышали, признаны Совѣтомъ Академіи достойными премій“...

Посудите, читатель: редація академическаго журнала, цензура Преосвященнаго ректора Академіи, профессорское званіе и докторская степень автора, премированіе Совѣтомъ Академіи—какой сонмъ честныхъ свидѣтелей въ пользу моей статьи! И кто же этотъ скрывающийся подъ псевдонимомъ православнаго, если для него все это не имѣетъ значенія?

Поистинѣ, „куда мы идемъ“? Моск. Вѣд. зовутъ своихъ читателей отъ свѣта богословской науки и авторитета церковныхъ органовъ во мракъ темныхъ доносчиковъ, произносящихъ свое мрачное „слово и дѣло“.

Рецензентъ заканчиваетъ: „Вотъ какіе нынѣ ученые профессора водятся въ духовныхъ академіяхъ. И если они открыто печатаютъ такія вещи, то что же они говорятъ на своихъ лекціяхъ будущимъ пастырямъ православной церкви? какую нравственность они тамъ культивируютъ“?

О, господинъ православный, мы не скрываемся подъ псевдонимами, не бросаемъ камней изъ-за угла, мы не боимся свѣта, мы боимся только анонимныхъ доносовъ.

М. Таръевъ.
